Истрин В. М. Русские студенты в Геттингене в 1802–04 гг. (по материалам архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 7. С. 80–144.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Письма 1–50 // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. 544 с.

Лессинг Г. Э. Избранные произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953.

Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских в XIX веке. М.: РАН. Ин-т всеобщ. истории, 2000.

Тургенев Н. И. Книги 3–5 // Архив братьев Тургеневых: Спб.: типография Императорской Академии Наук, 1911, вып. 1. С. 123–307.

Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: АСТ, 2018. Гл. 2: О том, что такое человек. С. 10–30.

Skripachenko A. S. The origins of philistinism in Germany at the beginning of the 19th century (based on the example of Nikolai Turgenev's diaries)

Abstract: this work is devoted to research into the origins of philistinism in Germany at the beginning of the 19th century. The material for the study is the diaries of Nikolai Ivanovich Turgenev. The article considers ideas about the life and culture of the Germans through the perception of a Russian nobleman studying in Göttingen. The reasons for the ambivalent attitude of the author of the diary to German culture and everyday life of German inhabitants are analyzed.

Keywords: Nikolai Turgenev, philistinism, Goettingen diary.

Р. Джильи

(научный руководитель – доктор филологических наук А. И. Вачева)

Софийский университет им. Св. Климента Охридского

София, Болгария

Поэтика мемуарной прозы кн. И. М. Долгорукова

Аннотация: князь И. М. Долгоруков (1764–1823) – не только интересная личность русской культурной и литературной сцены, но и автор значительных произведений в прозе, посвященных истории его жизни и времени. В сущности, темой данной статьи является поэтика его мемуарной прозы. В частности, анализируются его произведения «Повесть о рождении, происхождении и всей жизни» и «Капище моего сердца».

Ключевые слова: И. М. Долгоруков, мемуарная проза, поэтика, память, русская литература XVIII–XIX вв.

Размышляя о современном обществе, французский философ и социолог Ж. Липовецкий, отмечает, как сегодня человек живет в «парадоксальном настоящем, которое не перестает воскрешать и «заново открывать» прошлое»¹ [Lipovetsky 2008: 90]. А интерес к прошлому – это не только черта современности: память была в центре внимания человека на протяжении веков. Несомненно, одним из привилегированных средств сохранения памяти является литература и, в частности, эго-тексты. Тем не менее, внимание и более глубокое исследование этих текстов появилось сравнительно недавно. Действительно, если мы используем блестящую метафору И. Савкиной, эго-тексты долгое

¹ Цитаты из иностранных источников переведены автором статьи.

время занимали самые низкие места в «табели о рангах» литературных жанров [Савкина 2007: 10]. Несмотря на важный вклад различных ученых, начиная с середины XX века¹, не только предрассудки в отношении этих жанров все еще существуют, но и сама терминология в отношении этих произведений остается запутанной². Кроме того, эго-тексты часто рассматривали исключительно как богатый источник исторической информации, не признавая их ценности с литературной точки зрения. Но даже эти сочинения нужно анализировать и интерпретировать. Поэтому тема настоящей статьи – поэтика мемуарной прозы князя И. М. Долгорукова (1764–1823), который является представителем одного из древнейших родов русского дворянства³. И. М. Долгоруков не только успешный поэт того времени, но он пишет и два интересных произведения, относящихся к мемуарной прозе: «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни» (далее только «Повесть») и «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» (далее только «Капище»). Именно посредством текстового анализа данная статья направлена на выявление некоторых особенностей этих двух текстов.

Сначала рассмотрим произведение «Повесть», которое «...представляет собой своеобразную комбинацию мемуаров и дневника» [Кузнецова, Мельцин 2005: 496]. Структура «Повести» напоминает нам летопись, но это сходство не должно вводить в заблуждение. Фактически, А. Г. Тартаковский в своей важной монографии, посвященной мемуаристике XVIII и XIX веков, определяет «Повесть» как пример тех текстов, которые приводят к развитию нового типа мемуаристики, отказывающейся от доминирующей в Петровской эпохе модели летописи [Тартаковский 1991: 77].

Известно, что самописание – это не только способ построения собственной идентичности, но и «формирование прошлого. Оно накладывает образец на жизнь, выстраивает из нее связную историю» [Pascal 1960: 9]. Поэтому неудивительно, что в «Повести» можно найти принципы, которые отвечают определенным конкретным целям автора. Кроме того, следует иметь в виду, что еще одной особенностью мемуарной прозы часто является присутствие адресата, с которым автор, по словам Ф. Лежена, заключает «автобиографический пакт» [Lejeune 1975]. В этом своеобразном договоре писатель объясняет причины, побудившие его писать. Неслучайно, что и И. М. Долгоруков мотивирует свое желание сочинить произведение, посвященное истории его жизни. Точнее, это решение в его случае продиктовано стремлением последовать отцовскому совету, и ярким примером для автора являются записки его бабушки, княгини Н. Б. Долгорукой⁴. Мемуарист заявляет, что «Повесть» предназначена не только для него

¹ См. об этом, например: [Вачева 2015] и [Савкина 2007].

² С одной стороны, есть разные определения, такие как «эго-тексты», «автодокументальные жанры» и т. д. А с другой стороны, часто нет и четкого различия между мемуарами, дневниками, записками, автобиографиями. Как отмечает А. Вачева, говоря об автобиографии: «Трудность ясного терминологического обозначения связана с тем, что не существует “чистой” автобиографии, а в каждом тексте можно найти элементы сходных жанров – автопортрета, мемуаров (в смысле рассказа о событиях и лицах, современником или свидетелем которых был рассказчик, но без акцента на его личность), дневника, писем» [Вачева 2015: 60].

³ Род Долгоруковых может похвастаться выдающимися представителями в армии и при дворе. Достигнув максимальной власти во времена правления Петра II, он впадает в немилость с восшествием на престол Анны Иоанновны. Фактически, восхождение на престол новой императрицы определяет не только конец влияния семьи на решения двора, но и утрату важного семейного имущества (для более подробного обзора перипетий семьи Долгоруковых см. статью В. И. Коровина [см. Коровин 1997]).

⁴ «[«Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева»] явились первым в русской мемуаристике XVIII в., да и в литературе вообще, исповедальным рассказом о частной жизни человека, который не был ни политическим, ни религиозным, ни литературным деятелем. В этом смысле можно, не погрешив против истины, сказать, что они вышли за рамки своей эпохи, предвосхитив проблематику сентименталистской литературы 70–90-х годов XVIII в. с ее глубоким интересом к внутреннему духовному миру человека» [Тартаковский 1991: 62]. А замечательно,

самого, но, прежде всего, и для его детей. Поэтому, он много раз повторяет, что то, о чем он говорит, касается только его: «Я здесь говорю только о себе и относящихся ко мне предметах» [Долгоруков 2004: 268]. Тем не менее, И. М. Долгоруков не исключает, что и другие смогут прочитать историю его жизни, хотя прекрасно понимает, что это произойдет только после его смерти. В сущности, как он отмечает в отношении другого своего произведения, эти типы текстов «в наши дни напечатать их было бы трудно, потому что многие действующие лица в том походе еще живы, а как я не мог всем приносить похвал одних, то они бы на меня кинулись, как львы, и растерзали без пощады» [Долгоруков 2005: 99].

Интересно, как И. М. Долгоруков устанавливает настоящий диалог со своим читателем, временами воображая возможные его реакции: «Я слышу уже упрек читателя: когда же будет смешное? Сейчас, и вот что такое» [Долгоруков 2004: 409].

Переходя к принципу, лежащему в основе «Повести», интересный ключ интерпретации предлагает сам автор, который пишет: «Описание жизни моей имеет три цели: 1-е, показать детям моим, что со мной случилось, дабы они подражали хорошим моим поступкам и убегали дурных; 2-е, заниматься с пользой для них, с удовольствием для себя, и тем *miscere utile dulci*¹; 3-е, приготовить себе под старость отраду жить еще воспоминанием молодости моей. Кто как ни рассуждай, а я всегда люблю соединять с настоящим память о прошедшем. Грустно иногда делать сравнение между тем и другим, но и самое сие уныние имеет какую-то сладость» [Долгоруков 2004: 211].

На самом деле, в «Повести» память о прошлом берет на себя разные функции. Как видно из цитаты, она имеет несомненную дидактическую цель. В мире, где царит судьба и где, по мнению автора, упадок общества и обычаев становится все более очевидным, И. М. Долгоруков пытается дать свои собственные жизненные уроки. В этом отношении понятие «искренности» очень важно. И. М. Долгоруков пишет, что не хочет скрывать ни свои недостатки, ни свои ошибки², чтобы его дети могли извлечь из них пользу: «Взяв намерение писать сию книгу для потомства своего, я тем откровеннее говорю о себе, что хочу привлечь к словам моим полную веру детей моих, хочу, ежели оными меня благословит Бог, чтоб они видели меня со всеми моими недостатками и пороками и учились моими опытами исправлять подобные слабости в себе» [Долгоруков 2004: 44].

Еще одной «полезной» функцией произведения можно считать факт, что оно становится способом отдать заслуженную память людям, которых он встречал при жизни. На самом деле, одни из ключевых ценностей для И. М. Долгорукова – это благодарность и признательность, которые он считает выше любого чина или чести: «Кто знает мои коренные правила, тот поймет, что я разумею под словом признательности. Не подарки их, табакерки, с восклицанием подносимые, меня пленять могли, одно простое слово русское *спасибо*, сказанное от души в собрании дворян, было бы для меня торжественнейшим трофеем» [Долгоруков 2005: 19]. Следовательно, есть разные портреты людей, которым он особенно благодарен.

Наконец, «Повесть» становится средством защиты от множества врагов и слухов, которые мучили его долгое время. Например, И. М. Долгоруков сосредотачивает свое

что И. М. Долгоруков много раз выражает свое восхищение бабкой и в «Капище» посвящает ей день своего особого календаря.

¹ «Сочетать приятное с полезным» – принцип Горация, высказанный им в «Послании к Пизонам» («Наука поэзии»)

² Это намерение рассказать всю правду о себе, включая недостатки, напоминает Ж. Ж. Руссо и его «революционные» «*Les Confessions*». Тем не менее, как отмечает Ф. Лежен, следует иметь в виду, что «не существует абсолютной истины в описываемых фактах и событиях, истина всегда субъективна; [...] парадокс автобиографии состоит в том, что автобиограф должен добиться этой невозможной искренности, используя все обычные инструменты фикции» [Цит. по: Вачева 2015: 62–63]. Пример автобиографической прозы Ж. Ж. Руссо влияет и на жанр этих произведений И. М. Долгорукова. В действительности, в «Повести» он сочетается с мемуарным повествованием о прошлом, а в «Капище» – с жанром литературного портрета.

внимание на судебных процессах, на жалобах, на понесенных штрафах, показывая себя жертвой своих противников. Таким образом, он показывает всю перенесенную несправедливость, и, как в случае с Павлом I: «очень рад, что могу, как добрый игрок, взять свой реванш и отплатить ему за них приличной монетой» [Долгоруков 2004: 507].

Приятная сторона его работы также очень важна для И. М. Долгорукова. Память и написание истории его жизни доставляют ему удовольствие. Кроме того, он часто описывает забавные эпизоды и рассказывает о трех своих самых больших увлечениях: «я любил женщин, поэзию и театр. Тремя семи очаровательными пружинами жила душа моя, сердце и мысли» [Долгоруков 2005: 386].

Несмотря на эти слабости, можно сказать, что в «Повести» И. М. Долгоруков создает положительный образ самого себя. Точнее, он представляет себя хорошим отцом, готовым на все ради своих детей («для детей чего не сделаешь?») [Долгоруков 2005: 44], и достойным представителем своего рода, который верно служил государству, несмотря на многие несправедливости.

Принципы «полезности» и «удовольствия» можно найти и в «Капище». Произведение «*sui generis*», в котором И. М. Долгоруков воссоздает свою жизнь, представляя «фантазмагори[ю] разных лиц, с коими я был в связи по свету» [Долгоруков 1997: 96]. В частности, в этом особенном календаре каждый день есть портрет человека, которого автор встречал при жизни. Иногда персонаж и дата связаны точными причинами, но взаимосвязь может быть и случайной. «Писавши здесь откровенно голую правду о себе и других» [Долгоруков 1997: 6], он определяет своих детей как основных будущих читателей произведения, где они могут извлечь полезные уроки. Таким образом, автор заключает новый «пакт» и устанавливает новый диалог со своими адресатами. В отличие от «Повести», в «Капище» внимание И. М. Долгорукова направлено только на тех, кто играл роль в его жизни: «я здесь, рассуждая о всех тех людях, коих имена найдутся в моем лексиконе, не по отношениям их к миру вообще, а ко мне лично» [Долгоруков 1997: 192].

Как было сказано ранее, «Капище» хочет совместить полезные и приятные цели, и действительно, для автора его календарь становится своего рода лекарством от меланхолического состояния, вызванного его болезнью. Более того, оно служит выражением его признательности людям, которых он уважает. А даже если он не забывает их упомянуть, меньше внимания уделяется его врагам. Несмотря на то, что сначала он заявляет, что «[Капище] научит меня презирать тщету мирских наших связей и прилепляться к той непреложной истине, что в мире все непрочно, всякий союз имеет свой конец, всякая страсть свои тревоги и всякая радость несет за собой свои печали. Вот уже и довольно для моральной цели сего сочинения» [Долгоруков 1997: 6], кажется, что в «Капище» преобладает принцип удовольствия. Часто автор замечает наслаждение, которое доставляют ему воспоминания. Неудивительно, что он и пишет: «Между тем, доколе проживу, буду я и сам с удовольствием заглядывать каждодневно в эту книгу. Она станет напоминать мне младенчество, юность, молодость и зрелый возраст жизни моей» [Долгоруков 1997: 6].

А достигнув конца своего существования, И. М. Долгоруков все больше осознает изменения и неумолимое течение времени, но письменная память дает ему возможность спасти себя и свой мир от забвения. Например, об одном из персонажей в своем календаре он пишет: «она осталась теперь забытой в свете женщиной, о которой никто уже не говорит и не вспомнит. Один я до сих пор одинаково ей предан» [Долгоруков 1997: 141].

Наконец, можно отметить, что в «Капище» показан более «естественный» портрет автора. В действительности, на первом плане нет его общественной жизни, а его личное бытие, состоящее из людей, которые наполняют его сердце.

В заключение, принцип, лежащий в основе мемуарной прозы И. М. Долгорукова, можно отождествить с латинским изречением «*miscere utile dulcis*». Анализ показывает, что в случае «Повести» преобладает полезная функция памяти, а в «Капище» большее

внимание уделяется удовольствию воспоминания. Очевидно, что эти произведения, предназначенных для его наследников, представляют образ автора с разных точек зрения. Таким образом, «Капище» можно рассматривать не только как ««экстракт», компендиум «Повести»» [Коровин 1997: 323], но и как дополнительную его часть. В нем более подробно запоминаются люди и эпизоды, не нашедшие места в «Повести».

Литература

Вачева А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София : УИ “Св. Климент Охридски”, 2015.

Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М. : Наука, 1997.

Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2-х тт. СПб. : Наука, 2004–2005.

Коровин В. И. Князь Иван Долгоруков и «Капище моего сердца» // Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М. : Наука, 1997. С. 283–350.

Кузнецова Н. В., Мельцин М. О. Преображение реальности в «Повести...» Кн. И. М. Долгорукова // Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2-х тт. СПб. : Наука, 2005. Т. 2. С. 491–513.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : НЛЮ, 2007.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. От рукописи к книге. М. : Наука, 1991.

Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris : Édition du Seuil, 1975.

Lipovetsky G., Sébastien C. Los tiempos hipermodernos. Barcelona : Editorial Anagrama, 2008.

Pascal R. Design and Truth in Autobiography. London : Routledge, 2017.

Gigli R. The Poetics of Prince I. M. Dolgorukov’s Memoirs

Abstract: Prince I. M. Dolgorukov (1764–1823) is not only an interesting figure of the Russian cultural and literary scene, but also the author of noteworthy works in prose, devoted to the story of his life and time. In fact, the topic of this article is the poetics of his memoirs. In particular, «Povest o rozhdenii moyom, proiskhozhdenii i vsej zhizni» and «Kapische moego serdtsa» are analysed.

Keywords: I. M. Dolgorukov, memoirs, poetics, memory, 18th and 19th century Russian literature.

Е. А. Приписнова

(научный руководитель – доктор филологических наук Т. В. Федосеева)

Рязанский государственный университет

Рязань, Россия.

Выдающиеся современники в мемуарах Е. И. Раевской: образование, медицина, литература

Аннотация: статья посвящена исследованию содержания мемуаров Е. И. Раевской. Основное внимание в работе акцентируется на современниках Е. И. Раевской, которые внесли свой вклад в развитие различных сфер жизни человека. Предпринятый анализ